

«ЖИЗНИ СОЛЬ»

Светлана Павлова. Голод. Нетолстый роман. — М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2024. — 313 с.

Я никогда не любила женские романы. Казалось, что проблематика таких романов имеет несколько гротескный характер. Благодаря новому роману «Голод» Светланы Павловой, попавшему в шорт-лист премии «Ясная Поляна», я развенчала для себя этот миф.

Светлана Павлова — молодая писательница, магистрантка ВШЭ, выпускница курсов «Creative Writing School» и «WLAG» и «царевна несмеяна» (такой никнейм Светлана Павлова выбрала для своего телеграм-канала). В 2023 году она дебютировала романом «Смена», который раскрывает проблемы травли, женской дружбы и первой любви с точки зрения травматичного опыта личности. В романе «Голод» автор продолжает намеченную линию изучения феномена травмы и обращается к новой психологической проблеме — расстройству пищевого поведения, или сокращенно РПП. Светлана Павлова поднимает тему психического заболевания и пути его преодоления, которая, по ее собственному признанию, автобиографична. Честно, серьезно и с улыбкой — так справляется с травмой героиня романа «Голод».

Это история о девушке Лене, работающей в издательской корпорации, зарабатывающей на ипотеку, проводящей свободное время в кругу закадычных подруг, строящей отношения с самовлюбленными мужчинами и страдающей РПП. С таким жизненным набором Лена подходит к своим тридцати годам в погоне за идеалом. Идеалом красоты, идеалом копирайтера, идеалом женщины. «Единственное, чего я боюсь больше набора веса, — это конец жизни», — так рассуждает женщина, ведущая борьбу с булимией (нервным перееданием).

Но еще это история победы. Психологической победы через испытания любовью и достижения того самого заветного ключика «к себе нежно», продиктованного Ольгой Примаченко.

Так что же привело девушку с весом 46 килограмм к ненависти к своему телу, а следом — к самой себе? Ответ на этот вопрос, на мой взгляд, героиня дает на самой первой странице романа: «Пустота пожирает меня изнутри». Голод? Но голод как физическое состояние организма — это следствие главной причины душевной пустоты — одиночества. Эту пустоту Лене нечем заполнить, ведь для этого нужен *кто-то*. Куда проще утолить внутреннюю пустоту (жизнь преподносит метонимию) *чем-то* вроде ненавистной работы, где ты из кожи вон лезешь, чтобы понравиться «себе-на-уме» начальнице, и идешь, как довлатовский герой, на компромисс; деньгами, которые дарят тебе свободу в эпоху потребления и позволяют одаривать себя кучей некачественной одежды, помадами, духами и многими другими вещами, о которых мечтала в детстве. Такое вещественное *чем-то* создает иллюзию полного контроля над своей жизнью. Но есть и обратная сторона медали: весы, диеты, бесконечный подсчет калорий, чередующиеся зажор и голод, или на языке Лены — чередование «грязного» и «чистого» дней.

Почему так?

Губительный феномен рекламы полезной и низкокалорийной продукции, ЗОЖ и культ красивого идеального тела стали нормой жизни общества, которая психологически подавляет героиню и превращает ее в жертву маркетинга.

Но первопричина кроется в воспоминаниях Лены о детстве, матери, об их взаимоотношениях. Кажется, это и есть ключ к разгадке. Как утверждают многие современ-

ные психологи: чтобы разрешить проблему во взрослом возрасте, необходимо разобраться в детских травмах.

Лена выросла в неполноценной семье, наблюдая со стороны, как мать пытается наладить личную жизнь, и желая услышать от нее такое заветное для каждого ребенка: «Я люблю тебя, я дорожу тобой, я часто бываю несправедлива с тобой». Однако любовь от матери Лена получала одновременно своеобразно и обычно: бытовыми советами, как вести себя с мужчинами, критикой и прямолинейными советами. Героиню в детстве сопровождали разговоры о еде и женской физиологии, а просторечное «жрать» стало сигналом опасности на всю жизнь.

Уйдя из жизни, мать передала дочери по наследству отчаянное стремление быть любимой и нужной кому-то. Например, завоевать любовь начальницы Тэ Бэ всеми правдами и неправдами, доказать ей, что ты хороший сотрудник, работать сверхурочно, соглашаться писать легковесные тексты, смеяться над всеми ее колкостями, льстить и еще раз льстить. Или строить отношения с нарциссом Сергеем, принимать внешнее проявление заботы за настоящее чувство и все время понимать, что обманываешь прежде всего себя. В этом и заключается трагизм положения героини: она воспринимает жизнь адекватно, а себя — не принимает. Не принимает осознанно, злостно, с иронией, если не сказать с сарказмом. Но ироничность вообще является постоянным спутником Лены, ее мысленные колкости в свою или в чью-либо другую сторону вызывают невольно улыбку, а порой и искренний смех.

Вообще, весь образ героини построен на оксюмороне: любить и ненавидеть свою начальницу, свою работу, свою жизнь, своих мужчин, причислять себя к self-made женщинам, отстаивать идеи феминизма в компании друзей, использовать феминитивы (терапевтка, стоматологиня) и остро ощущать пустоту без любящего рядом человека. И только в одном оставаться непоколебимой — ненависть к своему телу. Героиня вступает в духовный конфликт со своей внутренней пустотой, разрешая его каждый раз материально: вкусной едой, разговором с психотерапевтом, разного рода диетами, врачебными процедурами. Не напоминает ли Лена свою британскую предшественницу Бриджит Джонс? На мой взгляд, параллель очевидна: тридцатилетние героини работают в издательстве на невысокой должности, влюбляются не в тех мужчин, попадают в нелепые ситуации, постоянно подсчитывают калории и недовольны фигурой, стремятся быть любимыми за маской сильной и независимой женщины, находят свою любовь и в конце концов принимают себя. Русский вариант британского постфеминистического романа девяностых. Однако если у Филдинг героиней незамысловатой истории становится женщина и ее возрастной кризис, то Павлова главным действующим лицом романа делает психологическую болезнь, которая руководит жизнью женщины.

Сама автор определяет жанр «Голода» как «нетолстый» роман. Вероятно, если учесть объем текста, то можно говорить о повести. Однако современный роман модифицируется, приобретает все новые формы воплощения, обращаясь все чаще к жизни человека XXI века. Светлана Павлова создает своего рода социально-психологический роман с элементами автофикшн, беря за основу личный опыт и сложное психологическое состояние женщины в современных реалиях. Именно злободневность и своевременность поднятой проблемы позволяет согласиться с авторским определением жанра. Для меня история героини прозвучала как манифест «люби себя», а новый тип романа — «нетолстый» — как отголосок «голода», вынесенного в название произведения.

Стоит обратить внимание на композиционное построение романа. На уровне фабулы повествование построено линейно с ретроспективными и лирическими отступлениями, которые погружают читателя в психологические причины проблемы РПП.

Однако важным и оригинальным композиционным решением Светланы Павловой являются вставленные внутри основной композиции переписки Лены и бабушки. Это небольшие электронные письма, которые выступают в качестве повествовательной паузы основной линии романа и косвенно с ними связаны. Бабушка из письма в письмо рассказывает о своей жизни и интересуется жизнью Лены, а Лена не боится быть перед ней настоящей. Общее место писем героини — «люблю», адресованное бабушке и иногда являющееся единственным ответом на ее письмо. Неоднократно возникает чувство чеховского провала коммуникации, и не раз задаешься вопросом: почему Лена отвечает так коротко, почему не ездит в гости к самому близкому для нее человеку? Ложно думаешь о проявлении проблемы отцов и детей в современном ее варианте, но последнее письмо Лены в кульминации романа развенчивает все догадки и предположения.

Бабушка давно умерла, но остались ее любовь и письма. Вместе с тем все еще живо чувство вины Лены перед бабушкой за то, что была невнимательна к ней. Остается только один шанс исправить свою ошибку — начать все заново. Попытка возродить диалог — это попытка травматической проработки прошлого, это апеллирование к постпамяти. За ним следует катарсис, ведь героине удастся попрощаться с прошлой жизнью, висящей дамокловым мечом над ней. Поставить точку в выдуманной переписке с бабушкой. Пропрощаться с квартирой матери, съесть ее последние засоленные огурцы, простить ей все обиды и наконец воскликнуть «мамочка». Пусть и после ее смерти.

Концовка произведения неожиданная, оставляет противоречивые чувства. С одной стороны, это чувство одиночества и утраты, но с другой — чувство надежды и уверенности, что все преодолимо.

Но что же подталкивает Лену пойти навстречу нормальной жизни? Неужели «анонимная группа для обжор», спорт, диеты, голодание? Все это не то. Героиню спасает встреча с Ваней-клептоманом, в котором она видит единомышленника. Их любовь, полная перипетий, оказывается спасительной для Лены. Когда тебя любят, понимают и поддерживают, оказывается проще бросать вызов самой себе.

В этом романе точным представляется все: и образы, и детали, и переживания, и тональность, и язык. Светлане Павловой удалось рассказать историю Лены на сленге своего поколения женщин. Поколения, которое ходит на своп, делает фото в стиле *Vikini*bridge, занимается хейтвочингом, смотрит сериал «Girls» (именной такой лексикой изобилует роман) и находится в постоянном поиске себя. Без сомнения, Павлова создала жизнеутверждающий роман о поколении девяностых, который достоин занять место в серии книг «Роман поколения» в «Редакции Елены Шубиной». Однако для проблематики романа было куда важнее заговорить на языке тех женщин, которые слишком знают, что такое РПП и «жизни соль».

В конце, вслед за Станиславским, хочется только резюмировать: «Верю!»

Анастасия ШЕРШАКОВА